

Дуглас Адамс

Долгое безумное чаепитие души

*Часть сборника
Детективное агентство Дирка
Джентли (сборник)*

Дирк Джентли

Дуглас Адамс

Долгое безумное чаепитие души

«АСТ»

1988

Адамс Д. Н.

Долгое безумное чаепитие души / Д. Н. Адамс — «АСТ»,
1988 — (Дирк Джентли)

Там, где вам не помогут ни полиция, ни дипломированный психиатр, ни кембриджский профессор, вступает в действие детективное агентство Дирка Джентли – крупнейшего специалиста по бракоразводным процессам, пропавшим кошкам и пришельцам из иных миров. Кто, как не он, даст ответ на сложнейшие вопросы современности: Что общего у кошки и Кольриджа с квантовой механикой и кушеткой в стиле «Честерфилд»? Может ли покойник подать в суд за клевету? И действительно ли в подсознании каждого из нас живет гений, готовый справиться с любой задачей – даже с той, что на первый взгляд кажется неразрешимой? Произведение входит в сборник Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли».

© Адамс Д. Н., 1988

© АСТ, 1988

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дуглас Адамс

Долгое безумное чаепитие души ¹

Посвящается Джейн

От автора

Эта книга написана при помощи Apple Macintosh II и Apple LaserWriter II NTX. Для обработки текста использовалось программное обеспечение FullWrite Professional от Ashton Tate. Окончательная корректура и фотонабор выполнены компанией The Last Word (Лондон, SW6).

Я хотел бы выразить огромную благодарность Сью Фристоун, моему великолепному, потрясающему редактору. За нескончаемые помощь, поддержку, критические замечания, энтузиазм и сэндвичи. Я также в долгу перед Софи, Джеймсом и Вивьен, которые почти не видели ее в последние недели нашей работы.

Глава 1

Едва ли можно назвать случайным факт, что ни в одном из языков мира не родилось выражение «красивый, как аэропорт».

Все аэропорты неприглядны. Некоторые – весьма. Другие обретают лишь определенную степень неприглядности – этого можно достичь, если очень постараться. Повсюду мелькают усталые, злые лица: люди внезапно обнаружили, что их багаж приземлился в Мурманске (Мурманский аэропорт – единственное известное исключение из этого в остальном непреложного правила), а архитекторы в общем и целом стремятся отразить сие настроение в своих проектах.

Мотив усталости и злобы они подчеркивают брутальными геометрическими формами и тошнотворными цветами, чтобы максимально облегчить расставание пассажира с багажом и близкими, сбивают его с панталыку стрелками, цель которых, по всей видимости, показать, где искать окна, вешалки для галстуков, Малую Медведицу в ночном небе, по возможности обозначить, где проходит канализация (на основании ее практической ценности), и скрыть расположение выходов на посадку (с учетом их бесполезности).

Кейт Шехтер застыла посреди океана тусклого света и невнятного шума.

Всю дорогу из Лондона до аэропорта Хитроу ее мучили сомнения. Кейт не была ни суевренным, ни верующим человеком – она просто не могла решить, нужно ли ей в Норвегию. Ей все сильнее казалось, что Бог, если он есть, – ну или некое богоподобное существо, которое безукоризненно распределило частицы при сотворении Вселенной, а также, судя по всему, управляло и движением транспорта на трассе М4, – не желает, чтобы она летела в Норвегию. Суета с билетами, поиски соседки, которая будет приглядывать за кошкой, поиски кошки, за которой должна приглядывать соседка, внезапная протечка крыши, пропажа кошелька, погода, скоростная смерть соседки, беременность кошки – все это напоминало заранее спланированную акцию по созданию препятствий, в которой четко просматривалось божественное присутствие.

Даже водитель такси – а ей все-таки удалось в конце концов поймать такси – спросил: «Норвегия? Что там хорошего?» А когда она вместо того, чтобы с энтузиазмом воскликнуть: «Северное сияние!» или «Фьорды!» – на мгновение задумалась и закусила губу, продолжил: «Понятно. Держу пари, вас туда зовет какой-то хмырь. Вот что я вам скажу: пошлите-ка вы его куда подальше и езжайте лучше на Тенерифе».

А ведь это идея!

Махнуть на Тенерифе.

А может, домой?

Она хмуро смотрела в окно на бурлящий транспортный поток и думала о том, что зябкая и противная здешняя погода – пустяки по сравнению с тем, что ее ждет в Норвегии.

И дома, кстати, тоже. Дома сейчас все сковано льдами, из-под замерзшей земли тут и там в холодный воздух гейзерами вырывается пар и рассеивается среди зеркальных глыбин Шестой авеню.

Беглый взгляд на тридцатилетний жизненный путь Кейт позволял безошибочно распознать в ней коренную жительницу Нью-Йорка, хотя большая часть ее жизни прошла вдали от этого города: в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, в Европе. А пять лет назад она пережила период бессмысленных скитаний по Южной Африке – после того как, пытаясь поймать такси, погиб ее муж Люк. Они едва успели пожениться.

Ей нравилось думать, что ее дом в Нью-Йорке и она по нему скучает, но на самом деле скучала она только по пище. Не по любой, а по той, что привозят домой по заказу. В кафе, где тебе приходится сидеть за столом и пялиться на красные бумажные салфетки, – вовсе не настоящая пицца, сколько бы перченых колбасок или анчоусов туда ни напихали.

Лондон вполне подходил для жизни. Конечно, если закрыть глаза на пунтик с пищей. Ну почему здесь никто не желает заниматься ее доставкой? И не понимает, что сам смысл пиццы заключается в том, чтобы ее доставили к вашей двери, горячую, упакованную в картонную коробку? Чтобы вы могли снимать ломтики с пергаментной бумаги и, складывая вдвое, поглощать перед телевизором. Что так лихо перемкнуло в головах у этих твердолобых бездельников англичан, что они не в состоянии взять в толк очевидное? По какой-то причине ей никак не удавалось смириться с таким положением дел, и примерно раз в месяц, пребывая в особо мрачном настроении, она звонила в очередной итальянский ресторан, заказывала самую большую и шикарную пиццу, какую только могла описать, – по толщине почти равнявшуюся двум пиццам, – и в конце сладким голоском просила ее доставить.

- Простите, что сделать?
- Доставить. Сейчас продиктую адрес...
- Я не понял. Разве вы не приедете за ней сами?
- Нет. Мой адрес...
- Э-э, мисс, мы этим не занимаемся.
- Не занимаетесь чем?
- Доставкой...
- Вы не занимаетесь доставкой? Я не ослышалась?...

Разговор быстро скатывался до безобразной, выматывающей нервы ругани, Кейт трясло от злости. Впрочем, уже на следующее утро ей становилось намного легче. Во всех остальных отношениях Кейт была милейшим человеком, общаться с которым приятно каждому.

Однако сегодня ее терпение явно испытывали на прочность.

На шоссе они попали в ужасную пробку, а когда вдали промелькнули синие огни мигалок, стало ясно – впереди ДТП. Кейт насторожилась еще больше и напряженно вглядывалась в окно, пока они не миновали место аварии.

Когда наконец подъехали к аэропорту, водитель разозлился, потому что у Кейт не оказалось точной суммы. С недовольным видом он долго искал в карманах тесных брюк мелочь на сдачу.

Атмосфера накалялась и грозила того и гляди разразиться взрывом. Кейт стояла в толпе, в зале вылета второго терминала Хитроу, и никак не могла найти стойку регистрации на рейс в Осло.

На мгновение она замерла, сделала несколько спокойных, глубоких вдохов и попыталась выкинуть из головы Жан-Филиппа.

Водитель угадал: в Норвегию она отправилась из-за Жан-Филиппа. С другой стороны, именно из-за него ей вовсе не следовало туда лететь. От мысли о нем у нее пульсировало в висках, и лучше было вообще ни о чем не думать, а просто ехать, будто ей в любом случае нужно в Норвегию. А там она бы страшно удивилась, столкнувшись с ним в гостинице... в общем, в той гостинице, название которой он написал на визитке, что лежала сейчас в боковом кармане ее дамской сумочки.

На самом деле она в любом случае удивится, если застанет его на месте. Скорее всего ее ждет записка с сообщением, что его неожиданно вызвали в Гватемалу, Сеул или на Тенерифе и что он ей оттуда позвонит. Из всех, кого она знала, Жан-Филипп был самым неуловимым. В неуловимости никто не мог с ним сравниться. С тех пор как под огромным желтым «шевроле» погиб Люк, она испытывала странную зависимость от пустых эмоций, которые возбуждали в ней эгоцентричные мужчины.

Она попыталась выкинуть все это из головы и даже на минуту закрыла глаза. Загадала, открыв их, увидеть прямо перед носом указатель: «Вылетающие в Норвегию, пожалуйста сюда», чтобы просто идти и больше ни о чем не волноваться. Ей вдруг пришло в голову, что, вероятно, таким путем и зародилась религия, недаром в аэропортах в поисках новых адептов вечно

снуют представители разнообразных сект. Им хорошо известно, что люди в состоянии незащищенности и жуткой растерянности легко поддаются воздействию.

Кейт открыла глаза и, конечно же, была разочарована. Однако мгновение спустя толпа сердитых немцев в рубашках поло немыслимого желтого цвета на секунду расступилась, и перед ней мелькнула стойка регистрации на рейс в Осло. Закинув на плечо дорожную сумку, Кейт стала пробираться вперед.

Очередь состояла лишь из одного пассажира, у которого или с которым, по всей видимости, возникли какие-то проблемы.

Это был огромный человек, просто невероятно больших размеров, хорошо – даже можно сказать, профессионально – сложенный. В его внешности Кейт отметила некую чужаковатость, хотя не вполне поняла, почему у нее создалось такое впечатление. Не разобравшись, что именно ей показалось странным, она решила не думать о нем. В какой-то статье писали, что центральный процессор человеческого мозга имеет лишь семь регистров памяти, а значит, если вы держите в голове одновременно семь мыслей, то при появлении следующей одна из семи предыдущих моментально улетучивается.

Кейт размышляла о том, успеет ли она на самолет, о том, что сегодняшний день ей, возможно, всего лишь показался страшным, о сотрудниках авиакомпаний, прикрывающих очаровательными улыбками фантастическое хамство, о магазинах беспощинной торговли, в которых товар может продаваться куда дешевле, чем в обычных магазинах, однако почему-то такого не происходит, о журнальной статье, в которой, кажется, рассказывалось, как сэкономить на поездке, о том, будет ли лямка меньше давить, если перекинуть сумку на другое плечо. Наконец, несмотря на все намерения этого не делать, о Жан-Филиппе, – только эта мысль заключала в себе как минимум семь пунктов.

Препирающийся с регистраторшей мужчина был мгновенно забыт.

И только объявление о том, что посадка на самолет, вылетающий в Осло, заканчивается, заставило ее вновь обратить внимание на происходящее у стойки.

Великан негодовал: ему не предоставили место в салоне первого класса. Оказалось, что на это есть причина – отсутствие у него на руках билета первого класса.

Настроение у Кейт окончательно упало, на душе заскребли кошки.

Затем вдруг выяснилось, что у мужчины и вовсе нет никакого билета. Спор быстро перешел в стадию ожесточенной ругани и коснулся таких животрепещущих вопросов, как внешность сотрудницы авиакомпании и ее личные качества, гипотезы о ее происхождении и предположения о сюрпризах, уготованных в будущем ей и авиакомпании, в которой она работает. Под конец совершенно случайно, но весьма своевременно была задета тема кредитной карточки.

Оказалось, у мужчины кредитной карточки нет.

Далее предметом обсуждения выступили дорожные чеки и факт отказа авиакомпании их принимать.

Кейт долго сверлила убийственным взглядом свои наручные часы и наконец решила прервать переговоры:

– Простите, вы скоро закончите? Мне нужно успеть на рейс в Осло.

– Я занимаюсь этим джентльменом, – раздраженно отозвалась девушка. – Подождите буквально секундочку.

Кейт вежливо кивнула, отсчитала ровно одну секунду и сказала:

– Дело в том, что самолет вот-вот улетит. У меня одна сумка, билет куплен, место забронировано. Оформление займет тридцать секунд. Ни за что не стала бы вмешиваться в ваш разговор, но я не могу себе позволить опоздать на рейс из-за каких-то тридцати секунд. Заметьте, это действительно всего лишь тридцать секунд, а не «буквально секундочка», из-за которой мы можем застрять тут на всю ночь.

Регистраторша подняла голову, ослепив Кейт сверкающим на губах блеском, но сказать ничего не успела: рослый блондин обернулся, и выражение на его лице привело Кейт в замешательство.

– Мне тоже нужно в Осло! – гневно бросил он, по-скандинавски растягивая слова.

Кейт смотрела на него в изумлении. Мужчина совершенно не вписывался в обстановку аэропорта. Точнее, обстановка аэропорта выглядела совершенно неуместно на его фоне.

– Понимаете ли, сейчас ситуация такова, что мы с вами оба туда не попадаем, – объяснила Кейт. – Давайте попробуем разобраться. В чем загвоздка?

Регистраторша расплылась в очаровательной равнодушной улыбке:

– Мы не принимаем чеки, это политика нашей компании.

Кейт швырнула на стойку собственную кредитную карточку.

– Хорошо. Тогда их принимаю я. Снимите сумму за билет джентльмена с этой карты, а я приму от него чек. Вы согласны? – обратилась она к великану.

На его лице медленно проступило удивление. В больших синих глазах будто бы отразились все ледники мира. Взгляд был необычайно высокомерным и в то же время недоуменным.

– Согласны? – повторила она. – Мое имя Кейт Шехтер. Одна «ша», две «е», по одной «ха», «тэ» и «эр». Если указать все буквы, банку безразлично, в каком они идут порядке. Служащие у них порой сами себя не узнают.

В знак благодарности мужчина очень медленно наклонил голову. Затем выразил признательность за доброту, деликатность и еще за что-то по-норвежски, сказал, что давно не встречал ничего подобного, что она – человек несгибаемой воли, и опять что-то по-норвежски, и что он перед ней в долгу. А затем как бы между прочим добавил: чековой книжки при нем нет.

– Отлично! – воскликнула Кейт, которую уже ничем невозможно было сбить с заданного курса.

Она отыскала в сумочке клочок бумаги, схватила со стойки ручку, что-то нацарапала и протянула ему.

– Отправьте деньги по этому адресу, – сказала она. – Если не хватит, заложите шубу. Ясно? Я рискую, полагаясь на вас.

Великан взял листок, невообразимо долго читал, затем аккуратно сложил и опустил в карман шубы. И вновь слегка кивнул головой.

До Кейт вдруг дошло, что регистраторша ждет ручку, чтобы заполнить бланк. Кейт недовольно подвинула к ней ручку, протянула свой билет и надела маску ледяного спокойствия.

Тем временем было объявлено отправление рейса.

– Ваши паспорта, пожалуйста, – спокойно произнесла регистраторша.

Кейт дала ей свой паспорт, а у великана паспорта не оказалось.

– Как это?! – воскликнула Кейт.

Сотрудница же авиакомпании просто замерла и уставилась в пустоту, уступая кому-нибудь другому право следующего хода.

Мужчина сердито повторил, что паспорта у него нет. Фактически он выкрикнул это и хватил кулаком по стойке так, что в ней осталась небольшая вмятина.

Кейт забрала свой билет, паспорт, вновь закинула сумку на плечо.

– Все, я умываю руки, – сказала она и ушла.

Она изо всех сил старалась успеть на самолет, но этому не суждено было случиться. Она попросит оставить для Жан-Филиппа записку, что не смогла приехать, и ее поместят рядом с его запиской, сообщающей о том же. На этот раз отсутствовать будут оба.

А сейчас ей надо успокоиться. Сперва купить газету, затем выпить кофе.

По указателям она так и не нашла ни того ни другого. Работающего телефона, чтобы оставить сообщение, тоже не оказалось, и Кейт решила плюнуть на аэропорт. Выбраться отсюда, поймать такси и скорее уехать домой.

Почти у выхода она обернулась, чтобы еще раз взглянуть на стойку регистрации, из-за которой потерпела поражение, и вдруг увидела, что стойка взмыла вверх сквозь крышу, объята огненным шаром.

...Кейт лежала в темноте под обломками, страдая от боли и дыша пылью, пыталась понять, не отнялись ли у нее руки и ноги. Радовала лишь одна мысль: ей вовсе не показалось, что сегодня плохой день. Думая об этом, она потеряла сознание.

Глава 2

Общественность требовала наказать виновных.

Сначала Ирландскую республиканскую армию, затем Организацию освобождения Палестины и, наконец, министерство газовой промышленности. Компания «Бритиш ньюклеар фьюэлз» поспешила выступить с заявлением, что полностью контролирует ситуацию и шанс, что подобное случится, был один на миллион, что вряд ли произошла утечка радиоактивных веществ, а на месте взрыва можно устроить замечательную площадку для отдыха с детьми и пикников. В итоге выяснилось: компания эта тут вообще ни при чем.

Причину взрыва установить не удалось.

Все будто бы произошло стихийно, само по себе. Были выдвинуты объяснения, большинство из которых лишь повторяли друг друга, перефразируя проблему на тот или иной манер, – ровно по тому же принципу в нашей речи появилось выражение «усталость металла». Собственно, очень похожий термин и изобрели для обозначения внезапного перехода дерева, металла, пластмассы и бетона во взрывоопасное состояние – «нелинейное катастрофическое возмущение конструкций». Иными словами, как на следующий день выразился в телеинтервью один молодой член правительства, стойка регистрации взорвалась потому, что ей «осточертело стоять на месте» (эти слова здорово подпортят ему дальнейшую карьеру).

Как и при любых чрезвычайных происшествиях, в оценках числа пострадавших наблюдались серьезные расхождения. Сначала насчитали сорок семь погибших и восемьдесят девять тяжелораненых. Затем эти цифры выросли до шестидесяти трех и ста тридцати соответственно, а перед тем как после окончательного уточнения выяснилось, что жертв намного меньше, количество погибших подсакивало еще раз – аж до ста семнадцати. В итоге решили: поскольку все, кого можно пересчитать, пересчитаны, значит, никто не погиб. Некоторых госпитализировали с порезами, ушибами и прочими травмами различной степени тяжести, но раз сведений о пропавших без вести ни от кого не поступало, то ранеными все и ограничилось.

В этом заключалась еще одна необъяснимая загадка происшедшего. Мощности взрыва было достаточно, чтобы превратить значительную часть второго терминала в груды обломков, однако все находившиеся в здании каким-то непостижимым образом очень удачно упали или укрылись от одного фрагмента бетонной стены под другим, или ударную волну принял на себя багаж. Следует отметить, что багажа вообще уцелело мало. По этому поводу парламенту были заданы вопросы, впрочем, не особо интересные.

Прошло несколько дней, прежде чем Кейт Шехтер узнала об этих событиях и вообще вспомнила о существовании внешнего мира.

Она коротала время в собственном мире, где ее окружали – насколько хватало взгляда – старые сундуки с воспоминаниями, вызывавшими сильное любопытство, а подчас и оторопь. По крайней мере одна десятая часть сундуков была набита яркими, порой болезненными или неприятными воспоминаниями о прошлом; в остальных она с изумлением обнаружила пингинов. До нее дошло, что это сон, и она решила, что скорее всего она копается в своем подсознании. Кейт где-то слышала: люди используют лишь десятую часть мозга, и неизвестно, для чего предназначены остальные девять частей. Но уж точно никто не высказывал предположений, что в них можно хранить пингинов.

Постепенно сундуки, воспоминания и пингины стали неразличимыми, белыми и нечеткими, затем слились со стенами, тоже белыми и нечеткими, и в конце концов превратились в стены – белые... или скорее желтоватого или зеленоватого оттенка, – заключившие Кейт в маленькой комнате.

В комнате царил полумрак. Лампа на прикроватной тумбочке горела, но не ярко, свет уличного фонаря пробивался сквозь серые занавески, отчего на противоположной стене пля-

сали тени. Постепенно Кейт различила неясные очертания собственного тела под белой простыней с отогнутым краем и светлыми шерстяными одеялами. Встревоженная, она некоторое время разглядывала себя, проверяя, все ли на месте, прежде чем попробовать шевельнуться. Сперва она подвигала правой рукой, та оказалась в порядке, хотя немного затекла и болела. Тем не менее все пальцы работали, имели положенную им длину и толщину и сгибались в нужных местах и направлениях.

Не сразу обнаружив левую руку, Кейт слегка запаниковала, но затем увидела, что рука лежит на животе и почему-то ноет. Пару секунд она прислушивалась к себе, сопоставляя довольно неприятные ощущения, пока не догадалась, что под повязкой в руке торчит игла. Это ее потрясло. Из иглы змеей висела тонкая прозрачная трубочка, поблескивающая в свете уличного фонаря. Описав плавную петлю, она соединялась с пухлым полиэтиленовым пакетом, свисающим с высокого металлического штатива. При виде этого сооружения Кейт на мгновение объял страх, однако, разглядев на пакете слова «Раствор хлорида натрия с глюкозой», она заставила себя успокоиться и спустя несколько минут возобновила исследования.

Грудная клетка и ребра хоть и ныли, но все же были невредимы. А острой боли, чтобы заподозрить перелом, не ощущалось нигде. Кейт напрягла правую икроножную мышцу, затем левую – возможно, левая лодыжка вывихнута.

Иными словами, она уверила себя: с ней все в порядке. Тогда что она делает в этом месте – в больнице, судя по мерзкому цвету стен?

Она резко села в постели, и тут же ненадолго вернулись веселые пингины.

Придя в чувство, Кейт решила проявлять к себе больше заботы и лежала спокойно, ощущая легкую тошноту.

Она попыталась очень осторожно прощупать память и вспомнить, что произошло. Воспоминания, темные и крапчатые, хлынули крутыми масляными волнами, как воды Северного моря. В волнах тут и там всплывали какие-то комья, медленно складываясь в колыхающийся аэропорт, мрачный и давящий на виски, а в самой его середине, пульсируя как мигрень, возник шикарный огненный шар.

Кейт вдруг отчетливо поняла, что в зал регистрации второго терминала аэропорта Хитроу попал метеорит. На фоне пламени проступил силуэт великана в шубе, который, должно быть, принял на себя основную мощь удара и мгновенно превратился в облако атомов, беспрепятственно разлетевшихся в разные стороны. От этой мысли Кейт пришла в ужас. Он вел себя заносчиво и нагло, но каким-то непостижимым образом сумел вызвать в ней симпатию. В его капризном упрямстве сквозило некое благородство. Возможно, ей просто нравилось думать, что капризное упрямство есть проявление благородства, потому что его поведение было чем-то сродни ее собственным попыткам добиться доставки пиццы на дом в чужом, враждебном и ни в какую не желающем этим заниматься мире. Благородство – одно из слов, которым можно замаскировать стойкое неприятие сложившихся абсурдных традиций, но существуют и другие...

Внезапно нахлынувшее чувство страха и одиночества быстро отступило, и Кейт ощутила спокойствие, расслабленность и позыв в туалет.

Часы показывали три, остальные признаки говорили о том, что сейчас ночь. Наверное, ей следует позвать сестру и сообщить миру о своем возвращении. Сквозь окошко на внутренней стене комнаты виднелся тускло освещенный коридор, где стояли каталка и высокий черный баллон с кислородом. И больше ничего. В коридоре было тихо.

Окинув взглядом довольно тесное помещение, Кейт увидела встроенный шкаф с выкрашенными белой краской фанерными дверцами, пару скромно прячущихся в тени виниловых стульев на металлических ножках и белую прикроватную тумбочку с вазой, в которой лежал один-единственный банан. По другую сторону кровати стоял штатив с капельницей, в стене – металлическая пластина с черными кнопками. С пластины свисала пара старых бакелитовых

наушников, а к стойке в изголовье кровати был примотан провод с кнопкой вызова на конце. Кейт прикоснулась к кнопке, но нажимать не стала.

С ней все в порядке. Она справится сама.

Ощущая легкое головокружение, она медленно приподнялась на локтях, вытащила из-под одеяла ноги и опустила на холодный пол. И почти сразу поняла, что делать этого не следовало, потому что ступни тут же стали посылать потоки сообщений о том, какова на ощупь каждая частичка пола, словно пол – предмет странный и подозрительный, и они ни разу в жизни с ним не встречались. Все-таки она села на край кровати и заставила ступни принять пол как нечто, с чем им придется свыкнуться.

Больница одела ее в огромную мешковатую хламиду в полосочку. Пристальнее изучив свой наряд, Кейт пришла к выводу, что он не просто мешковатый, а на самом деле и есть мешок. Хлопчатобумажный мешок в сине-белую полоску. Застежка на спине пропускала холодные ночные сквозняки. Небрежно пришитые широченные рукава свисали до локтей. Она повертела руками на свету, разглядывая кожу, потеряла ее, пощипала, особенно вокруг удерживающей иглу повязки. Обычно руки были гибкими, с плотной и упругой кожей. Сейчас они напоминали куриное мясо. Кейт поочередно погладила ладонями предплечья и снова внимательно на них посмотрела.

Она потянулась к штативу и ухватила за него. Штатив шатался чуть меньше ее самой, поэтому ей удалось потихоньку встать на ослабевшие ноги. Высокая и стройная, она попробовала справиться с дрожью и спустя несколько секунд переместила штатив вперед на расстояние согнутой руки, как пастуший посох.

До Норвегии добраться не получилось, зато она хотя бы могла самостоятельно передвигаться.

Четыре своенравных колесика вели себя как капризные дети в супермаркете, но Кейт все-таки удалось продвинуть штатив к выходу. От ходьбы головокружение усилилось, но это лишь укрепило ее решимость. Она открыла дверь и, протолкнув вперед штатив, выглянула в коридор.

Слева коридор заканчивался двустворчатой дверью с круглыми смотровыми окошками, которая, по всей видимости, вела в более просторное помещение, возможно, отделение дневного стационара. Справа, до того как коридор резко поворачивал за угол, было несколько открытых дверей размером поменьше. Возможно, одна из них вела в туалет. А другие? Что ж, она проверит это по пути.

Два первых помещения оказались стенными шкафами. Третье было слегка побольше размером и со стулом внутри. Видимо, оно считалось комнатой, потому что вряд ли кому-то понравится сидеть в шкафу. Даже санитаркам, хоть им и приходится делать много вещей, от которых воротит большинство людей. Еще там было полно пластиковых стаканчиков, кувшинчик с загустевшими сливками и древняя кофеварка – все они кучей стояли на низеньком столике, на газете «Ивнинг стандарт».

Кейт взяла сырую газету и с ее помощью попыталась реконструировать события последних дней. Однако из-за собственного неустойчивого состояния и обвислого, слипшегося состояния газеты ей удалось выяснить совсем немного сверх того факта, что никто ничего не может с уверенностью сказать о случившемся. По всей видимости, серьезно пострадавших не было, лишь пропала без вести сотрудница одной из авиакомпаний. Происшествие уже официально отнесли к разряду стихийных явлений природы.

«Ничего себе явление», – подумала Кейт, положила остатки газеты и закрыла дверь.

За следующей дверью она обнаружила еще одну тесную палату, похожую на ее собственную. Около кровати стояла тумбочка, на ней – фруктовница с единственным бананом.

На кровати явно кто-то лежал. Кейт потянула дверь на себя, чтобы закрыть, однако недостаточно быстро, и что-то странное успело привлечь ее внимание. Впрочем, она не могла так

сразу сказать, что именно. Она стояла перед приоткрытой дверью, понимая, что не следует заглядывать внутрь еще раз и что она все равно это сделает.

Она снова осторожно открыла дверь.

В палате было темно и холодно. Холод вызвал неприятные догадки относительно состояния лежащего на постели пациента. Кейт настороженно прислушалась. Вокруг зловещая тишина – вовсе не та, при которой люди спят глубоким, здоровым сном. Это была тишина небытия, лишь издалека доносился едва различимый шум уличного движения.

Кейт долго не решалась войти, стояла в дверях, приглядываясь и прислушиваясь. Ее поразили гигантские размеры лежащего. Как только ему не холодно под одним тоненьким одеялом? Рядом с кроватью стоял низкий виниловый стул с вогнутым сиденьем и трубчатыми ножками, на котором горой возлежала огромная, тяжелая шуба, и Кейт пришла в голову мысль, что шубу следовало набросить не на стул, а на мерзнувшего на постели пациента.

Наконец, ступая как можно тише и осторожнее, она вошла в палату и приблизилась к кровати. Замерла на месте и посмотрела на огромного скандинава: глаза закрыты, лицо холодное, но все равно слегка нахмуренное, словно он до сих пор о чем-то порядком беспокоился. Кейт вдруг стало невыразимо грустно. В жизни мужчина выглядел так, будто ему беспрестанно приходилось преодолевать какие-то колоссальные барьеры, и было тяжело видеть, что и за пределами жизни он немедленно столкнулся с трудностями, доставляющими ему беспокойство.

Кейт поразило, что он казался совсем невредимым – ни единой царапинки. Кожа обветренная и здоровая... ну или была здоровой до недавнего времени. При более близком рассмотрении на лице обнаружилась сеточка из тонких морщин – значит, ему не тридцать пять, как она предполагала раньше. Этому здоровяку в хорошей физической форме вполне могло быть далеко за сорок.

У стены около двери обнаружилось нечто неожиданное: большой автомат для продажи кока-колы, который выглядел здесь не на своем месте – он не был подключен к сети, а на панели висело аккуратное объявление, что автомат временно не работает. Его будто кто-то случайно тут забыл и после никак не мог отыскать. Огромная блестящая красно-белая панель изумленно таранилась на палату, ничем не объясняя своего присутствия. Единственное, о чем автомат сообщал окружающему миру, так это о том, что в нем имеется прорезь, в которую положено засовывать монеты различного достоинства, а также отверстие, куда падали бы баночки различного размера, если бы автомат работал. Однако он не работал. Зато рядом с ним стояла огромная старая кувалда, что тоже было в некотором роде странно.

Внезапно Кейт почувствовала слабость, комната поехала перед глазами, а из сундуков сознания донесся неугомонный шорох.

Потом до нее дошло, что звук ей не причудился. В палате был слышен вполне различимый шум – тяжелые удары, скрежет, приглушенные хлопки. Шум становился все сильнее и был похож на ветер, но в состоянии дурноты и головокружения Кейт сперва не могла определить, откуда он идет. Затем ее взгляд упал на занавески. Она смотрела на них с хмурой тревогой, как пьяница, который никак не возьмет в толк, отчего пляшет дверь. Звук шел из-за занавесок. Кейт нерешительно подошла и раздвинула их. Огромный орел с кругами на крыльях бился в окно, пиялился желтыми глазами и неистово стучал клювом по стеклу.

Кейт отпрянула и попыталась поскорее выбраться из палаты. В конце коридора распахнулась двустворчатая дверь со смотровыми окнами, оттуда вышли двое. Их руки подхватили Кейт, когда она, безнадежно запутавшись в капельнице, начала медленно опускаться на пол.

Она была без сознания, когда ее заботливо укладывали обратно в постель. И когда полчаса спустя появилась фигура подозрительно маленького роста в невероятно длинном белом халате, увезла на каталке великана, а затем вернулась за автоматом для продажи кока-колы.

Кейт очнулась через несколько часов, в окно уже проникло зимнее солнце. День казался ничем не примечательным и спокойным, но Кейт все еще трясло.

Глава 3

Некоторое время спустя то же самое солнце ворвалось в окна верхнего этажа дома на севере Лондона и осветило фигуру спящего безмятежным сном человека.

Комната, где он спал, была большой и довольно обшарпанной, поэтому особо не выиграла от внезапного вторжения света. Солнце медленно заскользило по простыням, словно боясь что-нибудь обнаружить между ними, спустилось по краю кровати, удивленно перешагнуло через кое-какие обнаруженные на полу предметы, нервно повертело пылинки, на мгновение осветило висящее в углу чучело летучей мыши и скрылось.

Солнце никогда не задерживалось здесь дольше; его присутствие длилось примерно час, и за это время фигура спящего едва ли шелохнулась.

В одиннадцать зазвенел телефон, но спящий не реагировал. Как не реагировал он и раньше, когда звонили без двадцати пяти семь, затем без двадцати семь, без десяти семь и в течение десяти минут начиная с без пяти семь, после чего повисла долгая и значительная тишина. В девять часов ее нарушил вой полицейских сирен на соседней улице, примерно в девять пятнадцать – звуки старинного клавесина, а в начале одиннадцатого за клавесином приехали судебные приставы. Так здесь было всегда. Сознательные граждане давно привыкли прятать ключи под ковриками у дверей, а человек в постели привык спать под весь этот шум. Пожалуй, о нем нельзя было сказать, что он «спит как младенец», если только под этим не понимать моментальное погружение в сон. Во всяком случае, он явно относился к тем, кто, забравшись в постель и выключив свет, не тратит почем зря время.

Вид этой комнаты вряд ли поднял бы кому-то настроение. Возьмем, к примеру, Людовика Четырнадцатого – он наверняка нашел бы ее недостаточно светлой, и ему бы не хватило в ней зеркал. Он повелел бы собрать носки, спрятать пластинки, а возможно, и вовсе сжечь это место. Микеланджело пришел бы в ужас от ее пропорций, которые не отличались ни величием, ни хоть сколько-нибудь заметной внутренней гармонией или симметрией, с тем исключением, что почти все части комнаты были в равной мере уставлены немывтыми кофейными чашками, башмаками и доверху заполненными пепельницами. Большинство этих предметов уже совмещали свои прямые функции с функциями соседей. Стены имели ровно тот оттенок зеленого цвета, при виде которого Рафаэль Санти откусил бы себе правую руку, только бы его не использовать, а Геркулес, заглянув сюда, вероятно бы, вернулся через полчаса, вооружившись судовой рекой. Словом, комната представляла собой помойку, и никаких изменений не предвиделось, пока ее хозяином оставался мистер Свлад, или Дирк Джентли, урожденный Челли.

Наконец Джентли пошевелился.

Он был с головой укутан в простыни и одеяла, но где-то по центру кровати из-под постельного белья медленно высунулась рука, и пальцы легкими касаниями пробежались по полу. Умудренные опытом, они ловко обошли миску с отвратительным месивом, стоявшую там с Михайлова дня, и наткнулись на полупустую пачку «Голуаз» без фильтра и коробок спичек. Пальцы вытряхнули из пачки смятую белую трубочку, схватили ее и спички, затем принялись искать путь сквозь простыни, сбитые в изголовье кровати, – так фокусник прошупывает свернутый в ком платок, из которого намерен выпустить стаю голубей.

В итоге сигарета отыскала отверстие. И была прикурена. Некоторое время казалось, что дымит, глубоко затягиваясь, сама кровать. Она зашлась долгим и громким кашлем, потом наконец задышала ровнее. Так Дирк Джентли приходил в себя после сна.

Он лежал, ощущая, как на плечи давит ужасное чувство тревоги и вины. Забыть бы обо всем... Не долго думая, он так и поступил, а затем выбрался из постели и через несколько минут неслышно спустился по лестнице.

На коврике перед дверью обнаружилась почта – все как всегда: письмо в резком тоне с угрозами изъять его кредитную карту «Америкэн экспресс», приглашение оформить карту «Америкэн экспресс» и пара счетов еще более нелепого и дикого содержания. Дирк не мог понять, с какой целью их шлют. И не жалко ведь денег на пересылку! Он покачал головой, удивляясь беспросветной тупости общества, швырнул конверты в сторону, вошел в кухню и осторожно приблизился к холодильнику.

Тот стоял в углу.

В просторной кухне царил полный мрак. От включения света он ничуть не уменьшился, а лишь пожелтел. Дирк опустился на корточки перед холодильником, тщательно осмотрел край дверцы. И нашел что искал. Даже больше.

У самого низа дверцы поперек разделяющего ее с корпусом узкого зазора, проложенного серым резиновым уплотнителем, висел приклеенный слюной человеческий волос. Его Дирк ожидал увидеть. Он сам лично прилепил волос тремя днями ранее и с того времени несколько раз проверял, на месте ли тот. Чего он не ожидал увидеть, так это второго волоса.

В замешательстве Дирк нахмурился. Второй волос?

Он висел точно так же поперек зазора, как и первый, только в верхней части дверцы, и приклеил его туда не Дирк. Дирк даже открыл старые жалюзи, чтобы получше осветить место происшествия.

Дневной свет вломился, точно наряд полиции, и сунул нос во все щели кухни, которая, как и спальня, вызвала бы стойкое неприятие у человека, пребывающего в возвышенном расположении духа. Подобно всем помещениям в доме Дирка, кухня была просторной, мрачной и крайне неопрятной. Она словно насмеялась над любыми попытками привести ее в порядок и обращала на них внимания не больше, чем на кучку дохлых мух, что лежали под окном на стопке коробок из-под пиццы.

При свете стало отчетливо видно, каким был второй волос – у корня седой, а дальше ярко-рыжий с металлическим отливом. Дирк поджал губы и крепко задумался. Чтобы понять, кому принадлежит этот волос, много умственных усилий прилагать не потребовалось – на кухню регулярно заходила лишь одна персона, голову которой словно использовали для извлечения окисей металлов из промышленных отходов. Серьезно же поразмыслить Дирку пришлось над тем, чем ему грозит находка – прилепленный ею к дверце холодильника волос.

Похоже, негласное противостояние между ним и домработницей перешло на новый, более зловещий уровень. По подсчетам Дирка, прошло уже полных три месяца с тех пор, как дверцу холодильника открывали в последний раз. Теперь он не просто стоял в углу кухни, а фактически держал оборону. Дирк прекрасно помнил, когда впервые это заметил – с неделю назад. В тот день он как раз попробовал обманом заставить Елену (по иронии судьбы имя старой гримзы рифмовалось с «гигиеной»; впрочем, Дирка это больше не радовало) открыть дверцу. Обман был мастерски изобличен и едва не скрикошетил по нему самому.

Согласно выбранной Дирком стратегии, для начала следовало отовариться в расположенном по соседству продовольственном магазинчике. Он взял понемногу молока, яиц, бекона, баночку-другую шоколадного крема и полфунта обычного сливочного масла – в общем, ничего особенного, – и как ни в чем не бывало выложил на холодильник, будто хотел сказать: «Если выдастся свободная минутка, не запихнете ли все это внутрь?...»

Когда в тот день он вернулся домой, его сердце радостно подпрыгнуло: на холодильнике было пусто. Продукты исчезли! Их не отодвинули и не переставили на полку – их нигде не было видно. Наверное, она все-таки капитулировала и спрятала продукты. В холодильник! И конечно, раз уж она его открыла, то вымыла там все внутри. В первый и единственный раз его переполнило теплотой и благодарностью к ней, и он уже хотел было с облегчением и триумфом распахнуть дверцу, когда восьмое чувство (согласно последним подсчетам, чувств у Дирка

было одиннадцать) подсказало ему проявить величайшую осмотрительность и проверить, куда Елена выбросила содержимое холодильника после уборки.

Неприятная догадка шевельнулась в его душе, когда он бесшумно приблизился к мусорному ведру под раковиной. Затаив дыхание, Дирк поднял крышку.

Внутри, в складках только что вставленного черного мешка покоились купленные им яйца, бекон, шоколадный крем и полфунта обычного сливочного масла. Две вымытые бутылки из-под молока ровным строем стояли у раковины, в которую предусмотрительно вылили их содержимое.

Она все выбросила.

Она избавилась от его продуктов, лишь бы не открывать холодильник! Дирк медленно обернулся и посмотрел на засаленный, приземистый белый монолит. Именно в тот миг он отчетливо понял, что его холодильник ушел в глухую оборону.

Дирк налил себе густого черного кофе и сел, слегка дрожа. Сперва он даже не взглянул на раковину, а скорее всего краем глаза заметил там две чистые молочные бутылки, и какая-то напряженно работающая часть его мозга приняла сигнал об опасности.

На следующий день Дирк придумал оправдание случившемуся. Напрасно он ведет себя как параноик. Елена определенно поступила так по ошибке, ненамеренно. Ее наверняка терзают тревожные мысли о сыне: у него обострился бронхит, появилась раздражительность или склонность к гомосексуализму – то, что заставляло ее время от времени прогуливать работу или выполнять ее без должного усердия. Она итальянка и, видимо, по рассеянности приняла его продукты за мусор.

Но теперь случай с волосом все изменил. Вне всякого сомнения, Елена прекрасно понимала, что делает. Ни при каких обстоятельствах она не собиралась открывать холодильник первой, и он – тоже.

Судя по всему, она не заметила волос, иначе просто убрала бы его, чтобы ввести Дирка в заблуждение и заставить думать, что открыла холодильник. Наверное, сейчас следовало бы сыграть такую шутку с ней, однако вряд ли это сработает. Их затянуло в тугую спираль, и теперь им обоим светит душевное расстройство или вечные муки.

Может, нанять кого-нибудь, чтобы открыл холодильник?

Нет. На это у него не хватит средств. Ему даже нечем заплатить Елене за последние три недели. Он до сих пор не уволил ее лишь потому, что тогда пришлось бы выдать ей расчет, а сделать это он пока не в состоянии. Секретарша в конце концов нашла в себе силы уйти от него по собственной инициативе и занялась какой-то ерундой, связанной с туристическим бизнесом. Дирк попытался высмеять ее за то, что предпочла монотонность получения зарплаты («Регулярного получения», – невозмутимо поправила она) удовлетворению от работы.

Она едва не переспросила: «От чего, от чего?» – но вдруг поняла: тогда ей придется выслушать ответ, который, несомненно, ее разозлит и заставит спорить. Впервые до нее дошло, что единственный выход – это не дать втянуть себя в дискуссию. Если она не ответит, можно будет спокойно уйти. Она попыталась. И внезапно почувствовала свободу. И ушла. А неделю спустя, пребывая в том же настроении, выскочила замуж за стюарда по фамилии Смит.

Дирк пинком перевернул ее стол, но позже ему пришлось собственноручно ставить его на место, потому что секретарша так и не вернулась.

В детективном агентстве биение жизни сейчас ощущалось не больше, чем в могиле. Никто не желал ничего расследовать. Не так давно, чтобы свести концы с концами, Дирк подвизался хиромантом. Занятие это ему было не по душе. Он вполне мог бы с ним смириться – фактически он уже стал привыкать к омерзительному чувству унижения, а в темноте палатки, установленной в саду позади бара, его никто не узнавал, – если бы у него не проявились потрясающие способности. В нем то и дело вспыхивало отвращение к самому себе. Всеми извест-

ными путями он старался обмануть, смухлевать, вел себя нарочито по-хамски или цинично, но какую бы глупость ни сморозил, она неизменно оказывалась правдой.

Самый неприятный случай произошел в тот вечер, когда в палатку заглянула одна женщина из Оксфордшира. Решив поиздеваться, он посоветовал ей хорошенько приглядывать за мужем, который, судя по линиям на руке, тот еще летчик. Оказалось, ее муж действительно управлял истребителем. Двумя неделями раньше во время учебного полета он пропал над Северным морем.

Дирк смутился и пробубнил какие-то жалкие слова утешения. Уверен, заявил он, пробьет час и муж вернется, все встанет на свои места, жизнь наладится и тому подобное... На что женщина ответила: вряд ли, ведь чтобы погибнуть в Северном море, с лихвой хватит и часа, а поскольку за две недели следов мужа не обнаружилось, было бы странно предполагать что-то иное, кроме того, что он мертв, и она старается свыкнуться с этой мыслью, так что большое спасибо. Все это она произнесла довольно язвительным тоном.

Выслушав ее, Дирк понес полную ахинею.

Он сказал, что крупная сумма денег, которая четко прослеживается на ее руке, – ничто по сравнению с потерей ее любимого, драгоценного мужа, однако, возможно, ей будет приятно узнать, что сейчас он на небесах, плывет на самом пушистом из облаков и чудесно выглядит в новом комплекте крыльев, а сам Дирк очень сожалеет, что ему приходится городить весь этот огород, но она сама виновата – застала его врасплох. Не желает ли дама чаю? Водки? Может быть, супу?

Она отказалась. Объяснила, что заглянула в палатку случайно, что просто искала туалет, и спросила, сколько ему должна.

– Пустое! – бросил Дирк. Он испытывал крайнюю стесненность в средствах, поэтому, отвечая так, сорвался на фальцет. – Я все насочинял. Прошу разрешить мне принести свои глубочайшие извинения за то, что грубо вторгся в ваше личное горе, и сопроводить вас... э-э... нет, лучше указать дорогу в... так и быть, назову это место... туалет... Как выйдете, сразу налево.

Тот случай поверг Дирка в уныние, однако через некоторое время он был ошарашен, узнав, что буквально на следующий день бедняжка заработала двести пятьдесят тысяч на облигациях выигрышного займа. Несколько часов Дирк простоял на крыше, тряся кулаками в темное небо с криками «Прекрати немедленно!», пока какой-то зануда-сосед не вызвал полицию. Под вой сирен прибыл наряд и перебудил вообще всю округу.

Сейчас Дирк понуро сидел на кухне. Бешеный энтузиазм, который обычно помогал ему пробиться сквозь перипетии дня, напрочь вышибла эта история с холодильником – теперь в нем словно была заточена и заперта как на щеколду единственным волоском воля Дирка.

Клиент – вот что сейчас ему нужно. «Пожалуйста, Бог, если ты есть, – думал он, – пошли мне клиента. Самого простого, чем проще – тем лучше. Доверчивого и богатого. Кого-нибудь вроде вчерашнего...» Дирк постучал пальцами по столу.

Проблема заключалась в том, что чем доверчивее был клиент, тем сильнее Дирк конфликтовал с лучшей половиной своей души, которая то и дело вставала на дыбы и грозила в самый неподходящий момент поставить его в неловкое положение. Дирк частенько обещал швырнуть лучшую половину своей души о землю и пережать коленом горло, но той всегда удавалось прикинуться чувством раскаяния или отвращения к самому себе и в таком обличье одержать победу.

Доверчивого и богатого. Только чтобы оплатить несколько... ну, или хотя бы один... из самых выдающихся и грандиозных счетов. Дирк прикурил сигарету. Дым кольцами поднимался в свете утреннего солнца и лип к потолку.

Вроде вчерашнего...

Дирк замер.

Вчерашнего...

Мир затаил дыхание.

Мало-помалу его осенило: что-то где-то пошло вкривь и вкось. Закончилось катастрофой.

В воздухе молча висела беда и ждала, когда он обратит на нее внимание. Колени задрожали.

«Мне нужен клиент», – думал он. Эта мысль привычно являлась к нему каждое утро. Но сегодня он забыл, что клиент у него уже есть.

Потрясенный Дирк уставился на часы. Почти половина двенадцатого. Он тряхнул головой, чтобы утихомирить звон в ушах. Потом резко схватил висевшие за дверью шляпу и просторное кожаное пальто.

Через пятнадцать секунд – с опозданием в пять часов – он выскочил из дома.

Глава 4

Пару минут спустя Дирк остановился обдумать стратегию. Чем явиться ровно на пять часов позже условленного и смущенно оправдываться, лучше уж прибыть позже на пять часов и еще несколько минут, но с триумфом.

«Надеюсь, я не слишком рано!» – отличная вступительная фраза, чтобы ворваться ураганом, однако нужно и продолжение ей под стать, придумать которое у него пока не получалось.

Допустим, он сэкономил бы время, если бы взял машину, но опять же ходу тут было – рукой подать, а за рулем у него проявлялась потрясающая способность сбиваться с пути. (Все потому, что он пользовался методикой «дзен-вождения»: в потоке машин нужно выбрать ту, которая вроде бы знает, куда ехать, и следовать за ней. Результаты больше удивляли, чем радовали; тем не менее он ощущал необходимость продолжать эксперимент хотя бы потому, что несколько раз ему все же удалось добиться успеха.)

К тому же он вообще сомневался, что машина заведется.

У него был старенький «ягуар», выпущенный в тот особый период истории компании-производителя, когда ее автомобили вставляли на ремонт чаще, чем останавливались на заправку, и нередко между поездками за город им требовались месяцы передышки. Тут Дирк совершенно точно вспомнил, что бак пуст, а у него нет ни денег, ни пластиковой карты, чтобы залить бензина.

Он прервал рассуждения в этом ключе как крайне бесперспективные.

Продолжая напряженно думать, он зашел купить газету. Часы в киоске показывали одиннадцать тридцать пять. Черт, черт, черт! Может, отказаться? Плюнуть и забыть. Зайти куда-нибудь пообедать. Все равно это дело чревато проблемами. Или скорее одной конкретной проблемой – необходимостью изо всех сил сдерживать смех. Не дело, а полный и чистейший вздор. Клиент явно чокнутый, Дирку даже и в голову не пришло бы взяться за работу, если бы не одно весьма важное обстоятельство.

Триста фунтов в день плюс расходы.

Клиент согласился не раздумывая. А когда Дирк завел свою обычную песню о том, что используемые им методы, основанные в том числе на фундаментальной взаимосвязи явлений, зачастую ведут к расходам, которые неискушенному глазу могут показаться вовсе не имеющими отношения к сути расследуемого дела, клиент просто отмахнулся от этих рассуждений, как от не заслуживающих внимания пустяков. Это Дирку в клиенте понравилось.

Единственное, на чем настаивал клиент вопреки своему абсолютному, сверхчеловеческому здравому смыслу, так это на том, что Дирк должен обязательно, всенепременно, неукоснительно, без каких-либо условий и оговорок, пусть даже самых что ни на есть ничтожных, быть в полной и совершенной готовности к работе в полседьмого утра. Ровно.

Ничего не поделаешь, придется его вразумить. Шесть тридцать утра – дикое время, и он, клиент, очевидно, пошутил. Почти наверняка имелся в виду цивилизованный отрезок с шести тридцати до полудня, и если клиент вздумает по этому поводу скандалить, Дирку ничего не останется, как привести кое-какие статистические выкладки. В первой половине дня еще никто никого не убивал. Никогда. Люди на такое не способны. Чтобы выиграла жажда крови, необходим плотный обед. Дирк мог доказать это цифрами.

Знает ли Энсти (так звали клиента – странного, впечатлительного человека лет эдак тридцати пяти, обладателя глаз навывкат, узкого желтого галстука и особняка на Лаптон-роуд; Дирку он не нравился – вид у клиента был такой, будто он пытается проглотить рыбину)... так вот, знает ли он, что шестьдесят семь процентов всех опрошенных убийц предпочитали обедать печенью и беконом? Еще двадцать два метались между омлетом и рисом с креветками. Таким образом, мы одним махом избавляемся от восьмидесяти девяти процентов угроз, а если вычтем

еще и тех, кто не прочь по-хрумкать салатов и навернуть сэндвич с ветчиной или индейкой, то, подсчитав способных обдумать план действий без обеда, обнаружим результат, близкий к ничтожному и граничащий с блажью.

После половины третьего, ближе к трем пополудни стоит насторожиться. На полном серьезе. Даже в те дни, когда, казалось бы, все складывается благополучно. Пусть вам не грозили расправой незнакомые детины с зелеными глазами – все равно после обеденного перерыва будьте бдительны, как ястреб. По-настоящему опасное время наступает около четырех, когда на улицу высыпает разбойничьи шайки издателей и агентов, доведенные до бешенства феттучини и коктейлями и пытающиеся остановить такси. Именно этот час – настоящее испытание человеческой души. Шесть тридцать утра, говорите? Выкиньте из головы! Берите пример с Дирка.

Утвердившись как следует в своей решимости, Дирк вышел на морозный воздух и размашисто зашагал прочь.

– Эй, надеюсь, вы не откажетесь заплатить за газету, да, мистер Дирк?... Сэр?... – окликнул его владелец киоска, рысью припустивший следом.

– Ах, Бейтс! – надменно бросил Дирк. – Опять вы со своими надеждами! Вечно на что-то уповаете – не на одно, так на другое. Мой вам совет – успокойтесь. Жизнь, переполненная надеждами, трудна. Ее плоды – печаль и разочарование. Учитесь радоваться здесь и сейчас.

– По-моему, она стоит двадцать пенсов, сэр, – продолжал настаивать Бейтс.

– Ладно, только ради вас. Есть ручка? Сгодится обычная шариковая.

Бейтс достал из внутреннего кармана ручку и протянул Дирку, который оторвал уголок газеты с ценой, нацарапал выше: «Я вам должен» – и вручил обрывок киоскеру.

– Мне приложить это к остальным распискам, сэр?

– Приложите куда угодно, лишь бы это доставило вам наибольшее удовольствие, дорогой Бейтс. Только так и никак иначе. А теперь прощайте, уважаемый!

– Надеюсь, вы не откажетесь вернуть мне ручку, мистер Дирк?

– Верну, как только придет время, мой дорогой Бейтс, – откликнулся Дирк, – вы вполне можете на это рассчитывать. А пока ее ждут великие дела. Не унывайте, Бейтс, никогда не унывайте. И забудем уже об этом.

Предприняв еще одну вялую попытку, человек махнул рукой и поплелся обратно к киоску.

– Надеюсь, еще увидимся, мистер Дирк, – крикнул он через плечо, впрочем, без особого энтузиазма.

Дирк снисходительно кивнул головой в спину киоскеру и заспешил прочь, на ходу разворачивая газету на странице с гороскопом.

«Почти все принятые сегодня решения окажутся неверными», – напрямик заявлял гороскоп.

Дирк со злостью перевернул страницу. Он ни на секунду не мог согласиться с утверждением, что огромные, вращающиеся на расстоянии многих световых лет от Земли глыбы знают о твоей сегодняшней жизни больше, чем ты сам. Просто так уж случилось, что Великому Заганзе, старому приятелю Дирка, был известен день его рождения, и он намеренно писал в колонке всякую чушь, чтобы вывести его из себя. С тех пор как Великий Заганза занялся составлением гороскопов, спрос на газету упал почти на одну двенадцатую. Почему – знали только они с Дирком.

Дирк прибавил шагу, на ходу просматривая газету. Как всегда, ничего интересного. Куча материала о поисках Джанис Смит, пропавшей без вести из аэропорта Хитроу сотрудницы авиакомпании, и рассуждения о том, как получилось, что она исчезла без следа. В газете напечатали ее последнюю фотографию – девочка лет шести, с косичками, сидела на качелях. По словам ее отца, мистера Джима Пирса, которые приводились тут же, на фото его дочь вполне

можно было узнать, но все-таки она уже успела подрасти и в жизни выглядела лучше. С досадой Дирк сунул газету под мышку и зашагал дальше, сосредоточившись на более захватывающей теме.

Триста фунтов в день. Плюс расходы.

Интересно, как долго удастся поддерживать в мистере Энсти бредовую идею, что за его жизнью охотится высоченная косматая тварь с зелеными глазами и рогами, которая то и дело подает ему знаки: то контракт, составленный на каком-то невразумительном языке и подписанный кровью, то нечто, напоминающее садовую косу? Существо обладало еще одной достойной внимания особенностью: никому не удавалось его увидеть, кроме самого клиента, который наотрез отказывался признать, что это просто игра света.

Три дня? Четыре? Дирк не надеялся протянуть с серьезной миной целую неделю, поэтому подсчитал, что в качестве компенсации за беспокойство получит примерно тысячу. А в список косвенных, но не подлежащих обсуждению расходов он включит новый холодильник. Хороший. К тому же избавление от старого холодильника определенно соответствовало концепции взаимосвязи явлений.

Представив, как он вызовет кого-нибудь и холодильник просто погрузят на тележку и увезут, он принялся весело насвистывать, затем повернул на Лаптон-роуд и с удивлением обнаружил скопление полицейских машин. И «скорую помощь». Эта картина ему не понравилась. Почему-то она не вязалась в его голове с мечтами о новом холодильнике.

Глава 5

Дирк отлично знал Лаптон-роуд – широкую зеленую улицу с солидными особняками поздневикторианского периода, надменными и прочными, не приемлющими вида полицейских машин. Особенно в таком количестве, да еще и с включенными мигалками. Обитателям Лаптон-роуд было больше по душе созерцать одну-единственную симпатичную полицейскую машинку, живо и основательно патрулирующую их улицу, а заодно добавляющую живости и основательности их имуществу. Однако стоило зажечься противным синим мигалкам, от которых до белых костяшек сжимались кулаки, в их свете моментально поблекли не только аккуратно выложенные кирпичом стены, но и сами ценности, олицетворением коих служил тот кирпич.

В окнах домов замелькали встревоженные лица, озарявшиеся мерцающими синими лучами.

Их было три. Три полицейские машины, брошенные как попало на проезжей части, что явно не вписывалось в общепринятые правила парковки. Миру послали серьезный сигнал: сейчас здесь работает Закон, поэтому все остальные, кто явился на Лаптон-роуд по своим обычным, приятным и радостным делам, могут идти к черту.

Дирк торопливо шел по улице, под тяжелым кожаным пальто от пота щипало спину. Впереди как шлагбаум маячил констебль с разведенными в стороны руками, но Дирк убрал его с дороги, огорошив стремительным потоком слов, на который у констебля с ходу не нашлось подходящего ответа. Дирк поспешил к дому.

У входа его остановил второй полицейский, и Дирк уже собирался ловко взмахнуть у него перед носом просроченной дисконтной карточкой «Маркс и Спенсер», – трюк, который он долгими вечерами репетировал перед зеркалом в отсутствие другой работы, – когда офицер вдруг произнес:

– Эй, вы, часом, не Джентли?

Дирк глянул на него с опаской. Затем буркнул нечто невразумительное, что могло означать и «да», и «нет» – смотря чем обернется дело.

– Интересуюсь потому, что вас хотел видеть шеф.

– Вот как? – удивился Дирк.

– Я узнал вас по описанию, – пояснил офицер, с легкой ухмылкой оглядел его с ног до головы и продолжил: – Вообще-то в выражениях шеф не стеснялся. И даже послал за вами Ищейку Боба. Могу поспорить, он вас не нашел. После встречи с Ищейкой Бобом люди едва передвигают ноги. Нет, у них, конечно, остаются силы отвечать на вопросы, но и только. Давайте проходите. Лучше без меня, – тихо добавил он.

Дирк взглянул на дом. Окна закрывали сосновые ставни. Хотя во всех прочих отношениях дом казался ухоженным, выхоленным так, что достаток его обитателей безоговорочно бросался в глаза, закрытые ставни наводили на мысль о внезапном разорении.

Как ни странно, с подвального этажа доносилась музыка или скорее обрывок какой-то песни. Он упорно повторялся вновь и вновь, словно заело пластинку. Интересно, почему никто не выключит проигрыватель или хотя бы не подтолкнет головку? Мелодия была очень знакомой, и Дирк решил, что, вероятно, слышал ее недавно по радио, только никак не мог припомнить названия. Слова звучали так:

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

и так далее.

– Вам следует пройти в подвал, – безучастно произнес полицейский, как будто находящийся в здравом уме человек сам об этом догадаться не мог.

Дирк быстро кивнул и бросился по ступеням к приотворенной входной двери. Он перевернул плечами, тряхнул головой, чтобы собраться с мыслями, и вошел.

Передняя говорила о зажиточности хозяев, вкус которых, впрочем, сложился не иначе как во времена студенчества. Дощатый пол покрывал толстый слой полиуретанового лака, на белых стенах висели греческие коврики, пусть и довольно дорогие. Дирк мог поспорить (только не на деньги), что при тщательном осмотре среди множества великих тайн обнаружится пятьсот акций «Бритиш телеком» и коллекция альбомов Боба Дилана, включая «Blood on the Tracks».

В передней стоял еще один полицейский, до неприличия юный. Прислонившись спиной к стене и прижав к животу каску, он рассматривал пол. Бледное лицо лоснилось от пота. Он бросил на Дирка невыразительный взгляд и едва кивнул в направлении лестницы.

Снизу доносились все те же звуки:

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Дирка трясло от злости, да так, что хотелось садануть по чему-нибудь или кого-нибудь придушить. Уже бы начать горячо доказывать, что он тут вовсе ни при чем, однако, пока никто не заявлял обратного, сделать этого он не мог.

– Долго вы здесь торчите? – резко спросил он.

Полицейскому пришлось собраться с мыслями, чтобы ответить.

– С полчаса как прибыли, – прохрипел он. – Черт-те что, а не утро. Сплошная беготня.

– Вот только не надо про беготню, – бросил Дирк, сам не зная к чему, и стал спускаться по лестнице.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Внизу, в узком коридоре, едва держалась на навесах выбитая кем-то дверь, ведущая в просторную комнату. Только Дирк собрался войти, как оттуда вынырнула фигура и перегородила ему путь.

– Мне очень не нравится, что ты оказался замешанным в это дело, – заговорила фигура. – Очень. Расскажи, как ты с ним связан, чтобы я понял, почему мне это так не нравится.

Дирк изумленно уставился на чисто выбритое узкое лицо.

– Джилкс?!

– Чего ты смотришь на меня, будто перепуганный – как его там? – ну эти, которые похожи на тюленей, только хуже? Огромные, жирные твари... Дюгони, вот! Не смотри на меня, как перепуганный дюгонь. Почему этот... – Джилкс ткнул пальцем в направлении комнаты, – почему этот... человек написал твоё имя и телефон на набитом деньгами конверте?

– А сколь... – начал было Дирк, – сколько мы уже не виделись, Джилкс? Как вас занесло в такую даль? Странно, вам ведь здесь вроде не климат.

– В конверте триста фунтов, – отрезал Джилкс. – За что?

– Может, позвольте мне поговорить с клиентом? – спросил Дирк.

– С клиентом? Ну-ну! – зловеще произнес Джилкс. – Давай. Попробуй. Почему бы тебе и вправду с ним не поговорить? Интересно послушать, что ты ему скажешь.

Он отошел в сторону и жестом пригласил Дирка войти.

Тот собрался с мыслями и шагнул вперед, напустив на себя показное спокойствие, которое через секунду улетучилось.

Большая часть клиента очень удобно устроилась в кресле напротив проигрывателя. Кресло стояло в оптимальной позиции – на расстоянии, примерно в два раза превышающем дистанцию между колонками, что, как правило, считается идеальным для восприятия стереозвuka.

Казалось, клиент сидит в обычной расслабленной позе, скрестив ноги, рядом на столике – недопитая чашка кофе. Как ни прискорбно, его голова расположилась строго по центру вращающейся пластинки, при этом держатель головки то прижимался к шее, то убегал, попадая иглой в один и тот же паз. С каждым поворотом, длящимся приблизительно две секунды, голова бросала на Дирка укоризненный взгляд и будто говорила: «Видишь, что получается, когда не приходишь вовремя, как тебя просят», затем отворачивалась к стене и через мгновение вновь смотрела на него с еще большим упреком.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Комната поехала перед глазами, Дирк ухватился рукой за стену, чтобы устоять на ногах.

– Так для какого же дела тебя нанял клиент? – очень тихо спросил из-за спины Джилкс.

– Ох, да пустяки, – промямлил Дирк. – Никакой связи со всем этим... Нет, он... э-э-э... ничего похожего не упоминал. В общем, я смотрю, вы очень заняты. Думаю, мне следует забрать гонорар и уйти. Говорите, он оставил для меня деньги?

После этих слов Дирк как подкошенный упал на венский стул, который тут же под ним развалился.

Джилкс помог ему встать и прислонил к стене. Затем ненадолго вышел и вернулся с графинчиком и стаканом на подносе, налил в стакан немного воды и выплеснул в лицо Дирку.

– Лучше?

– Нет, – отфыркиваясь, ответил тот. – Может, вы хотя бы вырубите пластинку?

– Это дело судмедэкспертов. Пока эти умники не приехали, трогать ничего нельзя... А вот, наверное, и они. У меня мало времени. Выйди пока во двор, глотни свежего воздуха. Только за перила держись. И будь любезен, постарайся не выглядеть таким зеленым. Тебе не идет этот цвет.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Джилкс обернулся, бросил усталый, злой взгляд на Дирка и уже хотел было подниматься по лестнице навстречу вновь прибывшим, чьи голоса доносились сверху, но вдруг остановился и несколько секунд смотрел на неумоимо вращающуюся голову.

– Знаешь, – наконец произнес он, – мне так надоели эти выскочки со своими показательными самоубийствами. Им лишь бы напакостить!

– Самоубийство?! – изумился Дирк.

Джилкс обвел взглядом комнату.

– Окна забраны железными решетками в полдюйма толщиной, – сказал он. – Дверь заперта изнутри – ключ все еще в замке – и заставлена мебелью. Застекленная дверь во внутренний двор закрыта на засовы. Подземного хода не обнаружено. Убийце на обратном пути пришлось бы как следует поработать стекольщиком. Но оконная замазка все равно старая, и краска на ней уже давно засохла. Нет. Никто не выходил из этой комнаты, никто, кроме нас, не врывался в нее, и убийцы – не мы, это я знаю точно. У меня нет времени возиться с этим

делом. Явно самоубийство и специально запутанное. Прибил бы покойника за то, что отнимает у полиции время.

Джилкс взглянул на наручные часы и продолжил:

– Знаешь что? Придумай мне для отчета правдоподобную версию, как ему удалось такое проделать, и я отдам тебе ту самую улику, что лежит в конверте. Только вычту двадцать процентов за моральный ущерб – ведь мне пришлось сдерживаться, чтобы не двинуть тебе в зубы.

Дирк на мгновение задумался, не упомянуть ли, что клиент жаловался на визиты агрессивного зеленоглазого, покрытого шерстью великана, который регулярно возникал из ниоткуда и горланил что-то насчет контрактов и обязательств, размахивая сверкающей, остро наточенной косой, но, хорошенько все взвесив, решил промолчать.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Наконец его пробрало. За смерть клиента он не мог как следует на себя разозлиться, потому что это было слишком большое, непосильное бремя. Но теперь, когда Джилкс его унизил, а у него не оказалось ни сил, ни духу сопротивляться, он вдруг рассвирепел.

Резко отвернувшись от своего мучителя, он пошел во внутренний дворик побыть один на один с закипевшей злостью.

Дворик представлял собой маленькое, выложенное плиткой пространство, обращенное на запад и ограниченное высокой торцевой стеной дома и еще одной высокой стеной какого-то промышленного здания, а потому по большей части лишенное солнечного света. Посреди дворика по чьей-то прихоти располагались солнечные часы. Если бы на них попал хоть какой-то свет, сразу стало бы ясно – время близится к полудню. На часах как на насесте сидели птицы. В горшках торчало несколько довольно чахлах растений.

Дирк воткнул в рот сигарету и в отчаянии едва не сжег ее, прикуривая.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п... —

все еще доносилось из дома.

От соседних садов дворик отделяла аккуратная ограда. Сад слева был такого же размера, что и дворик, справа – немного больше, благодаря тому что стена промышленного здания до него не доходила. Все вокруг несло на себе печать ухоженности. Ничего вычурного или показного, просто возникало ощущение, что дела у обитателей идут прекрасно и содержание домов не представляет никаких проблем. Дом справа, к примеру, выглядел так, словно швы в его кирпичной кладке на днях были заново расшиты, а окна – отполированы.

Глубоко вздохнув, Дирк на секунду задержал взгляд на просматривающемсяверху между стенами клочке неба – серого и пасмурного. Он смутно осознавал, что в доме сейчас толчется народ, что-то меряют рулетками, фотографы делают снимки, кто-то убирает с пластинки отсеченную голову... Под облаками плыло какое-то темное пятнышко. Дирк обрадовался, что после всего увиденного еще способен хоть на чем-то сосредоточиться.

Ты ее не подбирай, не п...

Ты ее не подбирай, не п...

Ты е...

Наконец назойливая песня стихла, и теперь в полуденном воздухе откуда-то издали плыл мирный звук работающего телевизора.

Дирк, однако, с большим трудом мог хоть что-то расслышать. Его отвлекал пронзительный, отупляющий звон в голове – отголоски чувства вины. Не обычного чувства вины, возникающего как шумовой фон от осознания, что двадцатый век заканчивается, а ты все еще жив, – на него Дирк быстро находил управу. Это было ошеломляюще четкое уразумение: «Во всем этом кошмаре виноват я, и только я». Никакие усилия не помогали избежать ударов огромного колокола. *Бом... и снова взз... бом... и опять бом... бом... бом...*

Он попытался вспомнить подробности рассказа (*бом... бом...*) покойного клиента (*бом...*), но это было практически невозможно (*бом...*) со звоном в голове (*бом...*). Человек жаловался, что (*бом...*) – Дирк сделал глубокий вдох – (*бом...*) его преследовал (*бом...*) огромный (*бом...*) косматый зеленоглазый монстр с косой в руках.

Бом!

Дирк тогда еще мысленно улыбнулся.

Бум, бом, бум, бом, бум, бом!

И подумал: «Вот болван!»

Бум, бум, бум, бум, бом!

Коса (*бом...*) и контракт (*бом...*).

Он не знал, даже не догадывался, что это за контракт.

«Ну да, конечно», – подумал он (*бом...*).

Однако у него вдруг возникло смутное ощущение, что контракт, возможно, связан с картошкой. Ведь там была какая-то запутанная история (*бум, бум, бум...*).

Дирк тогда еще с серьезным видом кивнул (*бом...*) и поставил обнадеживающую галочку в блокноте (*бом...*), который специально держал на столе, чтобы ставить обнадеживающие галочки (*бом, бом, бом...*). В тот миг он испытал гордость: ему удалось создать впечатление, что галочка поставлена ровно напротив слова «картошка».

Бом, бом, бом, бом!

Мистер Энсти сказал, что объяснит, при чем тут картошка, когда Дирк придет выполнять задание.

И Дирк легко (*бом...*), как ни в чем не бывало (*бом...*), грациозно взмахнул рукой (*бом, бом, бом...*) и пообещал явиться в шесть тридцать утра (*бом...*), потому что ровно в семь (*бом...*) наступал час расплаты по контракту.

Дирк вспомнил, как поставил еще одну птицу напротив несуществующей записи «Срок расплаты по картофельному контракту – 7.00». (*Бом...*)

Он больше не мог выносить весь этот звон. Не мог винить себя за произошедшее. Впрочем, мог. Конечно, мог. И винил. Это действительно была его вина (*бом...*). Дело в том, что у него не получалось одновременно винить себя и размышлять о случившемся. Ему предстояло докопаться до самых корней ужасного происшествия (*бом...*), а для этого нужно было каким-то образом избавиться (*бом...*) от звона.

Пока он обдумывал свое затруднительное положение, его вдруг захлестнула волна злости. Он ненавидел этот двор. Эти дурацкие солнечные часы, аккуратно выкрашенные окна, отвратительно элегантные крыши. Ему хотелось переложить вину с себя на блестящую краску, на жутко опрятную брусчатку под ногами, на омерзительно ровно затертые швы в кирпичной кладке.

– Простите...

– Что? – Он резко обернулся.

Бурлящий поток мыслей прервал сдержанный, вежливый голос.

– Вы знаете что-нибудь о?... – Легким взмахом руки женщина выразила свое отношение ко всей этой неприятной истории, связанной с подвальным этажом и ужасным сборищем полицейских. Запястье украшал красный браслет – в тон оправе очков. Она стояла у ограды дома справа, на лице читались легкое беспокойство и неприязнь.

Дирк безмолвно смотрел на нее. Лет сорок с хвостиком, ухоженная, из тех, на кого обязательно и моментально обращаешь внимание.

Женщина тревожно вздохнула.

– Знаю, история страшная и все такое, – сказала она, – но скоро ли это закончится, как вы думаете? Мы вызвали полицию только потому, что от этой жуткой песни едва не лезли на стену. Все это немного...

Она вызывающе взглянула на него, и Дирк тотчас решил, что все произошло из-за нее. Вот на кого вполне можно взвалить вину, а он тем временем во всем разобрался бы! Она этого заслуживала – уже потому хотя бы, что носила такой браслет.

Не проронив ни слова, он развернулся к ней спиной и понес свой бурлящий гнев обратно в дом, где он быстро начал застывать и превращаться в нечто твердое и эффективное.

– Джилкс! – крикнул он. – Насчет вашей теории о показушном самоубийстве. Мне она нравится. Вполне правдоподобно, на мой взгляд. По-моему, я знаю, как этот негодяй оторвал себе голову. Несите ручку. И бумагу.

Он победоносно уселся за стол вишневого дерева в сельском стиле и проворно набросал схему событий, в которой участвовала домашняя и кухонная утварь, раскачивающийся, утяжеленный грузом светильник, затем сделал довольно точную раскадровку по времени и не забыл акцентировать важный факт, что проигрыватель был японского производства.

– Это придется по душе вашим ребятам-криминалистам, – проницательно заявил он Джилксу.

Ребята-криминалисты посмотрели на схему, ухватили основной смысл и согласились. Схема была простая, неправдоподобная и именно в том духе, который обязательно одобрит главный судмедэксперт, потому что ему, как и им, хотелось провести отпуск в Испании.

– Если только, – добавил как ни в чем не бывало Дирк, – вас не интересует версия, что умерший заключил с неким потусторонним агентством дьявольский контракт, по которому как раз сегодня наступил час расплаты.

Ребята-криминалисты переглянулись и отрицательно покачали головами. Затянувшееся утро им явно начинало надоедать, и поворот разговора в это русло только все запутал бы, а дело вполне можно было сбить с рук еще до обеда.

Довольный Дирк пожал плечами, отсчитал свою долю от улики и, кивнув напоследок полицейским, пошел наверх.

В передней до него дошло, что тихий шум дневного телеэфира, который он слышал в саду, в доме раньше заглушала заевшая пластинка.

Теперь он внезапно понял: телевизор работает где-то наверху. Дирк быстро оглянулся, убедился, что на него никто не обращает внимания, поставил ногу на нижнюю ступень и с удивлением посмотрел на лестницу.

Глава 6

Покрытие ступеней напоминало простую, но элегантную циновку. Дирк бесшумно прошел наверх мимо каких-то элегантных засушенных штуквин в вазоне и заглянул в комнаты на втором этаже. Обставлены они были тоже сухо, но элегантно.

Признаки жизни бросались в глаза только в большей из двух спален. Ее интерьер явно продумывали с тем расчетом, чтобы дать лучам утреннего солнца поиграть на изысканных букетах цветов и стеганых одеялах, набитых чем-то вроде сена, однако разбросанные всюду носки и бритвенные лезвия будто вели стратегический захват территории. Здесь четко ощущалось отсутствие женского начала – так ощущается отсутствие картины, еще недавно украшавшей стену. В комнате царил дух тоски и уныния, а скопившийся под кроватью хлам просился на помойку.

В примыкавшей к спальне ванной перед умывальником висел золотой диск за продажу пятисот тысяч пластинок «Горячая картошка» группы «Кулачный бой и третье тихое помешательство». Дирк припомнил, что вроде бы читал кусок интервью с лидером группы (музыкантов в ней было двое, один из них – лидер) в воскресной газете. На вопрос о названии группы лидер ответил, что с ним связана одна интересная история, которая на поверку оказалась не такой уж интересной. «Оно может означать все, что душе угодно», – пожал он плечами, сидя на диване в офисе своего менеджера где-то на задворках Оксфорд-стрит.

Дирк тогда еще представил, как журналист вежливо кивает и строчит в блокноте, и желудок свернулся отвратительным узлом, который удалось развязать только с помощью джина.

Горячая картошка... Вид золотого диска в красной рамке натолкнул Дирка на мысль: не на этой ли пластинке вертелась голова покойного мистера Энсти? Горячая картошка. Ты ее не подбирай.

Что бы это значило?

Все, что душе угодно, с тяжелым сердцем подумал Дирк.

Еще он вспомнил, что в интервью Пейн (так звали лидера группы «Кулачный бой и третье тихое помешательство») утверждал, будто основой для стихов к этой песне послужил разговор, подслушанный в каком-то кафе или сауне, или самолете, или еще где-то, – он переписал его почти дословно. Интересно, подумал Дирк, что почувствовали бы участники того разговора, если бы услышали, как их слова раз за разом перепевают при сегодняшних обстоятельствах?

Он присмотрелся к ярлыку в центре золотого диска. Сверху было выведено: «АРРГХ», а ниже имена авторов – «Пейнтон, Мэлвилл, Энсти».

Мэлвилл, по-видимому, был вторым участником группы, не лидером. А поскольку среди авторов столь популярного сингла было указано имя Джеффа Энсти, становилось понятно, откуда у него взялись деньги на такой дом. Когда Энсти говорил о контракте, связанном с «картошкой», он предполагал, что Дирк знает, о чем идет речь. Дирк же не колеблясь предположил, что Энсти бредит. Если кто-то несет вздор о зеленоглазых чудищах с косами в руках, очень легко прийти к выводу, что картошка – тоже вздор.

Дирк беспокойно вздохнул. Награда висела на стене до неприличия ровно и торжественно, и он слегка сдвинул рамку, чтобы придать ей более живой вид. Из-за рамки выпал конверт и спланировал вниз. Дирк попытался его поймать, но безуспешно. Чертыхаясь, он нагнулся и поднял конверт с пола.

Это был довольно большой конверт из качественной плотной бумаги кремового цвета, с одной стороны разорванный и заклеенный липкой лентой. Вообще он выглядел так, будто его вскрывали, а потом запечатывали много раз: на нем стояли несколько имен получателей – каждое зачеркивали и вместо него писали новое.

Последним значился Джефф Энсти. Во всяком случае, так решил Дирк – это имя единственное не было перечеркнуто жирной линией. Дирк пригляделся к другим именам, пытаясь их разобрать.

Что-то шевельнулось в памяти при виде пары фамилий, однако необходимо было тщательнее осмотреть конверт. Он давно хотел обзавестись лупой – с тех самых пор, когда стал детективом, – да все не подворачивался случай. Перочинного ножика под рукой тоже не оказалось, поэтому он с неохотой решил, что сейчас благоразумнее всего спрятать конверт в одном из потайных карманов пальто и изучить позднее, в одиночестве.

Дирк мельком проверил, не завалилось ли за рамкой еще что-нибудь ценное, но тщетно. Он вышел из ванной и продолжил исследовать дом.

Вторая спальня была чисто убранной, но бездушной. Нежилой. Кровать из сосны, стеганое одеяло да старый затрапезный комод, который явно пытались обновить, окунув в бак с кислотой, – вот и вся обстановка. Дирк закрыл дверь и стал подниматься по шаткой белой лестничке в мансарду, откуда доносились вопли Багза Банни.

Наверху, на крохотной лестничной площадке одна из дверей вела в ванную комнату, до такой степени тесную, что легче, наверное, было не заходить в нее, а засовывать туда поочередно нуждающиеся в мойке конечности. В полуотворенном состоянии дверь держалась благодаря зеленому шлангу, тянувшемуся от крана с холодной водой над умывальником через лестничную площадку в жилое чердачное помещение под сильно скошенной крышей – единственную на верхнем этаже комнату. Человек, рост которого хотя бы приближался к среднему, мог не пригибать голову лишь в нескольких ее точках.

Ссутулившись, Дирк стоял в дверном проеме и с беспокойством озирает ее содержимое. От комнаты веяло запущенностью. Сквозь задернутые шторы едва проникали лучи солнца; помимо них, освещение дополнял лишь мерцающий экран с мультяшным кроликом. Под самой пологой частью потолка стояла незаправленная кровать с влажными, сбитыми простынями. Кое-где на стенах и почти вертикальных поверхностях потолка висели журнальные картинки. Между ними не прослеживалось никакой единой темы или замысла: среди пары шикарных немецких автомобилей и весьма смелой рекламы бюстгальтеров красовалось вырезанное как попало изображение фруктового пирога, кусок объявления о страховании жизни и прочие беспорядочные фрагменты: выбирали и развешивали их явно наобум, ни на минуту не задумываясь о смысле и впечатлении, которое они производят.

Шланг завивался кольцом на полу и огибал придвинутое поближе к телевизору дряхлое кресло.

Кролик неистовствовал. Мерцающий свет от его метаний отражался на потертых ручках кресла. Багз отчаянно дергал рычаги управления самолета, несущегося с бешеной скоростью вертикально вниз. Внезапно он обнаружил кнопку «Автопилот» и нажал ее. Из шкафа вылез робот-пилот, оценил обстановку и спрыгнул с парашютом. Самолет со свистом летел к земле, но, к счастью, на полпути иссякло горючее, так что кролику удалось выжить.

Дирк заметил чью-то макушку.

Волосы на ней были темные, спутанные и жирные. Дирк долго колебался, прежде чем подойти к креслу и проверить, на чем держится голова. Чувство облегчения от того, что голова все-таки соединяется с живым телом, было слегка омрачено видом того самого тела.

В кресле, сгорбившись, сидел мальчик.

Лет примерно тринадцати-четырнадцати, он, хотя и не имел каких-то особых физических недостатков, выглядел все же не вполне здоровым. С обвисшими волосами и опущенной на плечо головой, свернувшись клубком, он лежал в кресле, словно его выбросило туда из проходившего мимо поезда. Из одежды на нем была лишь дешевая кожаная куртка да спальный мешок.

Дирк в изумлении смотрел на него.

Кто это? Как может мальчик просто сидеть перед телевизором в доме, где человек только что лишился головы? Знает ли он о случившемся? Знает ли о нем Джилкс? Удосужился ли Джилкс сюда подняться? Впрочем, несколько лестничных пролетов для почти распутавшего дело о хитроумном самоубийстве полицейского – это слишком.

Секунд через двадцать глаза мальчика нехотя поднялись на Дирка, совершенно ничего не выразили, вновь опустились и захватили цель – кролика.

Дирк не привык, чтобы его в упор не замечали окружающие. Он оглядел себя и лично удостоверился, что просторное кожаное пальто и вызывающая красная шляпа на месте, а его силуэт четко и выразительно очерчен в свете дверного проема.

На мгновение он ощутил неуверенность в себе и кашлянул, чтобы представиться, но так и не привлек внимания мальчика. Дирку это не понравилось. Парнишка нарочно и явно злонамеренно смотрел в телевизор, а не на него. Дирк нахмурил брови. Ему показалось, что в комнате растет напряжение – она будто наполнилась паром и тяжелым шипением. Дирк не знал, как на это реагировать. Шипение усиливалось, но вскоре после резкого щелчка внезапно смолкло.

Точно большая толстая змея, мальчишка медленно вытянулся, повис на подлокотнике и проделал ряд сложных, невидимых Дирку манипуляций – как оказалось, с электрочайником. Когда мальчишка вернулся в прежнее положение, в правой руке у него была пластмассовая чашка, откуда он стал подцеплять и закидывать в рот дымящуюся резиноподобную гадость.

Кролик завершил маневры и уступил место нахрапистому актеру, который напористо призывал телезрителей покупать какой-то сорт пива, не приведя в обоснование ничего лучшего, чем свое якобы незаинтересованное мнение.

Дирк почувствовал необходимость заявить о себе чуть настойчивее. Он прошел в комнату и встал между мальчишкой и телевизором.

– Малыш, – произнес Дирк, надеясь, что его голос звучит твердо и одновременно ласково, но ни в коем случае не снисходительно, неискренне или панибратски. – Я хочу знать, кто...

В это мгновение его отвлек вид с новой точки обзора. С другой стороны кресла стояли большая, наполовину пустая коробка с сублимированной лапшой, большая, наполовину пустая упаковка батончиков «Марс», наполовину уничтоженная пирамида из банок с газировкой. К болтавшемуся тут же концу шланга, который, по всей видимости, использовался для наполнения чайника, был приделан пластмассовый вентиль.

Дирк просто хотел спросить у мальчишки, кто он такой, но внезапно уловил очевидное семейное сходство. Вне всякого сомнения, мальчишка приходился сыном недавно обезглавленному Джеффри Энсти. Вероятно, его поведение объяснялось шоком. Либо он вообще ничего не знал о случившемся. Или, возможно...

Дирк не любил долго думать.

Он вообще не мог ясно мыслить, когда у него за спиной телевизионщики от лица производителя зубной пасты пытались вызвать его глубокую озабоченность процессами, которые, возможно, происходят у него во рту.

– Знаешь, – сказал он, – мне вовсе не хочется тревожить тебя в столь трудный и скорбный час, но все-таки скажи, ты сам понимаешь, что это время для тебя действительно трудное и скорбное?

Тишина.

Ладно, подумал Дирк, попробуем слегка затянуть гайки. Он прислонился спиной к стене, заложил руки в карманы и, словно говоря: «Значит, по-хорошему ты не согласен», несколько минут задумчиво изучал пол, затем резко вскинул голову и сурово посмотрел прямо в глаза мальчишке.

– Должен сообщить тебе, малыш, что твой отец умер! – выпалил он.

Возможно, его слова возымели бы действие, если бы в это время не включился очень популярный и продолжительный рекламный ролик – выдающийся образец в своем жанре.

Во вступительных кадрах ангел Люцифер падает с небес в преисподнюю, прямоком в горящее озеро, и преспокойно сидит там, пока проходящий мимо демон не вручает ему баночку газировки под названием «Сад». Осторожно попробовав, он жадно поглощает ее содержимое, поворачивается к камере, надевает крутые солнечные очки и восклицает: «А теперь поджаримся по-настоящему!» Снова ложится и блаженствует в куче горящих углей.

И тут до невозможности низкий, хриплый голос с американским акцентом (хозяин которого, судя по всему, сам только что выполз если не из преисподней, так уж точно из какого-нибудь питейного заведения в Сохо и жаждет поскорее заползти туда снова, чтобы замариноваться до следующей озвучки) рычит: «Сад! Напиток из-з-с-ада...» Баночка слегка поворачивается, чтобы скрыть букву «С».

«По-моему, богословы толкуют эту историю несколько иначе, – думал Дирк, – но что такое капля лжи в столь бурном потоке информации?»

Люцифер вновь осклабился в камеру и заявил: «Не зря я пал...» Затем, чтобы отполировать эффект, а заодно, если зритель окончательно отупел от всей этой мешанины и забыл, что значит «пал», напомнить ему значение этого слова, были еще раз прокручены начальные кадры, где Люцифера изгоняют с небес.

Действо полностью поглотило внимание мальчугана.

Дирк опустил на корточки между ним и телевизором.

– Послушай меня, – начал он.

Мальчик вытянул шею, чтобы увидеть из-за Дирка экран. Немного изменив положение, он продолжал смотреть телевизор и запихивать в рот лапшу.

– Слушай, – настаивал Дирк.

Он почувствовал, что может не справиться с ситуацией. И дело было даже не в том, что вниманием мальчика целиком завладел телевизор. Похоже, ничего на свете для него не имело значения и не существовало. Дирк в его глазах представлял собой бесполезный, загораживающий телевизор предмет. Мальчишка, по-видимому, не вредничал, а просто хотел смотреть сквозь Дирка.

– Послушай, давай выключим это на минутку? – Дирк пытался говорить спокойно.

Мальчик не ответил, лишь слегка напряглись плечи. Дирк обернулся и стал искать кнопку, чтобы выключить телевизор, но тщетно. Панель управления, казалось, служила единственной цели: чтобы телевизор работал всегда. На ней не обнаружилось ни одной кнопки «выкл.». В конце концов Дирк просто выдернул шнур из розетки и вновь посмотрел на мальчишку, который тут же со всей силы заехал лбом ему в нос.

Дирк почувствовал, как от жуткого удара хрустит перегородка, когда они оба завалились назад, в сторону телевизора, однако звук ломающейся кости и его собственный крик от ужасной боли заглушил дикий, яростный вопль, вырвавшийся из глотки мальчишки. Дирк беспомощно размахивал руками, пытаясь защититься, но мальчишка уже сидел на нем верхом, давил локтем в глазницу, его колени молотили по Дирковым ребрам, потом по челюсти и, наконец, попали в уже сломанный нос. Мальчишка изо всех сил старался дотянуться до шнура и включить телевизор. Как только это ему удалось, он вновь сел в кресло и уставился на экран.

– Могли хотя бы дождаться новостей, – уныло произнес он.

Съежившись на полу и осторожно прикрыв ладонями разбитый нос, Дирк безотрывно смотрел на чудовищно бесчувственное существо.

– Уппфф... ффммм... ннггх! – возмутился он и ненадолго затих, чтобы проверить, насколько сильно поврежден нос.

Под пальцами явно ощущалось нечто шаткое и противно щелкающее, и вообще эта часть лица приобрела крайне незнакомую форму. Он вытянул из кармана платок и приложил к носу

– платок тотчас пропитался кровью. Отмахнувшись от предложений о помощи, которых, впрочем, не поступало, Дирк с трудом встал и протопал в крохотную ванную. Там он со злостью сдернул с крана шланг, нашел полотенце, смочил его холодной водой и минуту-другую прижимал к лицу, пока кровь наконец не прекратила капать. Он посмотрел на себя в зеркало. Нос определенно приобрел несколько залихватский залом. Собравшись с духом, Дирк попытался было его поправить, но духу все-таки не хватило. Нестерпимую боль пришлось успокаивать прикладыванием мокрого полотенца и беззвучными ругательствами.

Он еще немного постоял перед зеркалом над раковиной, тяжело дыша и свирепо выговаривая: «Ну ладно!» Выходило не особо властно, нечто вроде «У гадно!». Несколько взбодрившись – по крайней мере настолько, чтобы не расклеиться в самом ближайшем будущем, – он решительно вошел обратно в логово зверя.

Зверь внимал рекламе каких-то увлекательных развивающих викторин, заготовленных на сегодняшний вечер для преданного каналу зрителя, и даже не взглянул на Дирка.

Тот быстро подошел к окну и резко раздвинул шторы, втайне надеясь, что зверь взревет от солнечного света, но тот лишь наморщил нос. За окном мелькнула черная тень, но угол обзора не позволял разглядеть, кому она принадлежит.

Дирк обернулся к зверенышу. По телевизору передавали дневной выпуск новостей, и теперь мальчишка казался чуть более восприимчивым к миру за пределами мерцающего цветного прямоугольника. Он смотрел на Дирка кислым, измученным взглядом.

– Чёвамнадо?

– Щас уднаешь, – ответил Дирк решительно, но без всякой надежды. – Я очу... адеался... Черт, я ее днаю!

Внимание Дирка вдруг переключилось на экран: на нем появилась более-менее свежая фотография пропавшей из аэропорта регистраторши.

– Чёвамздесьнадо? – не унимался мальчишка.

– Ч-щ-щ-щ! – прошипел Дирк, взгромоздился на подлокотник и уставился в телевизор.

Фото сделали примерно год назад, когда девушка еще не знала о существовании блеска для губ, обязательного для сотрудниц авиакомпании. У нее были завитые волосы и довольно неуверенный вид.

– Выктотакой? Чёпроисходит? – продолжал возмущаться мальчишка.

– А ну, даткнись! – рявкнул Дирк. – Я тмотрю бередачу!

По словам диктора, полицейские признались, что озадачены тем, как бесследно исчезла Джанис Смит с места происшествия. Они заявили, что не могут без конца прочесывать одни и те же помещения, и выступили с призывом отозваться каждого, у кого есть хоть какая-то идея, где искать девушку.

– Эдо боя сегредарша! Эдо мисс Пирс! – изумленно воскликнул Дирк.

Мальчишку бывшая секретарша не интересовала. Он прекратил попытки привлечь внимание Дирка, выбрался из спального мешка и улизнул в ванную.

Дирк пялился в телевизор и удивлялся, как он раньше не узнал пропавшую девушку. Однако на это имелись причины: выйдя замуж, она сменила фамилию, а фотографию, по которой ее можно было опознать, сегодня показали впервые. Странное происшествие в аэропорту сначала не вызвало у него интереса, но отныне все изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.